

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

DOI: 10.17805/zpu.2024.2.14

Источники о языческой религии славян Западнобалканского региона

С. В. АЛЕКСЕЕВ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЯДЕРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ «МИФИ»

Статья посвящена обзору и анализу источников о дохристианских религиозных верованиях славян Западных Балкан — словенцев, сербов и хорватов. Эти источники крайне немногочисленны и в целом малоинформативны. При этом некоторые из них периодически оказываются вне сферы внимания специалистов и не включаются даже в сводные обобщения источникового материала. Анализируются причины фрагментарности информации о дохристианской религии региона. Среди этих причин, по-разному представленной в разных средневековых государствах, выделены: ранняя христианизация, позднее развитие местной литературы, отсутствие признаков «двоеверия» в образованной элите общества, более значимая актуальность полемики с ересями. Из источников, касающихся хорутан, предков словенцев, представлены Фрейзингенские фрагменты, один из ранних памятников общеславянской религиозной терминологии, использованной при переводах христианских текстов; «Швабское зеркало», описывающее весьма архаичный по содержанию обряд интронизации каринтийского герцога. Из источников по сербохорватскому региону привлечены «Законоправило» св. Саввы с глоссой о вере в волкодлаков и «Книга статутов Рагузы» с древнейшим описанием народного обычая сжигать «рождественское полено». Кроме того, отмечены древнейшие отражения устной историко-эпической традиции в трактате Константина Багрянородного «Об управлении Империей» и в «Летописи попа Дуклянина». В заключение обращается внимание на важность западнобалканских источников для понимания подтекста исторических преданий славян и древнейших представлений о княжеской власти.

Ключевые слова: источниковедение; славянское язычество; история Средних веков; история южных славян; средневековая Сербия; средневековая Хорватия; Каринтия

ВВЕДЕНИЕ

Языческая религия славян на протяжении уже более чем двух веков является предметом научных реконструкций и дискуссий. Условность любых попыток свести ее в систему неизбежна ввиду как естественной вариативности верований многочисленных догосударственных и раннегосударственных этнических групп, так и явного недостатка источников. Письменные памятники Средневековья, характеризующие религию и мифологию славян, доносят отрывочную и иногда противоречивую информацию и, кроме того, в массе своей относятся уже к христианской эпохе.

В этом смысле особенно характерна ситуация с источниками по язычеству южных славян. Все основные южнославянские политические образования приняли крещение еще до появления славянской письменности или во всяком случае до ее появления в их собственных землях. Хорутания была крещена еще в VIII в., Сербия, Хорватия и Дукля — на протяжении VII–IX вв., Болгария — в 864–865 гг., во время пребывания Константина и Мефодия в Моравии и за два с лишним десятилетия до приглашения в страну их учеников. Там, где в итоге развилась собственная литературная традиция, полемика с язычеством находилась на периферии интересов.

Западнобалканский регион, включающий сербохорватские и словенские земли, в этом смысле выделяется даже среди наименее обеспеченных источниками по теме областей славянского мира. Средневековые письменные источники, которые могут быть использованы для изучения языческих верований, здесь единичны в буквальном смысле и сравнительно малоинформативны. По этой причине, возможно, они нередко вовсе выпадают из сферы интересов исследователей, занимающихся данной проблематикой. Так, в новейшем корпусе источников по славянской дохристианской религии (Sources ... , 2021) из рассматриваемых далее источников имеется только один, и не самый известный. Парадокс заключается в том, что как в сербохорватском ареале, так и в словенском этнографией и фольклористикой Нового времени фиксировались многие пережитки архаики.

Систематизация источников по истории славянского язычества остается важной научной задачей, и данный не вполне «закрытый» (если не сказать — не «закрытый» вовсе) участок ее решения определенно заслуживает внимания. Кроме того, на этом примере можно продемонстрировать причины фрагментарности сведений о языческих верованиях славян — в данном регионе они проявились в самом рельефном виде.

ХОРУТАНИЯ

Славянское княжество Хорутания в Восточных Альпах, далекий предшественник современной Словении, было христианизировано к рубежу VIII–IX вв. местными князьями и баварскими миссионерами. Попав в зависимость от франков, Хорутания довольно скоро лишилась независимости и уже во втором десятилетии IX в. стала составной частью Франкской империи с назначаемым правителем из германской знати. Позднее на ее территории возникло несколько феодальных владений в составе Германского королевства, крупнейшим из которых стало герцогство Каринтия.

В свете сказанного достаточно очевидно, что дохристианские религиозные традиции хорутан не могли найти особого отражения в письменных источниках. Местная славянская литература появилась только в раннее Новое время, а в латинских и немецких источниках какие-либо черты «двоеверия» не фиксируются. Хотя христианство встречало активное сопротивление в VIII в., но к IX в. с консолидацией местной элиты на почве новой веры язычество перестало быть заметной проблемой, в том числе и для духовенства, в основном немецкого по происхождению. Даже специально посвященный христианизации Хорутании письменный памятник — «Обращение баваров и карантанцев» — вообще ничего не сообщает об их дохристианских верованиях и не использует традиционные формулы описания идолопоклонников.

Тем не менее минимальное представление о языческих верованиях славян Хорутании и даже об одном восходящем к дохристианским временам обряде составить можно. Прежде всего следует сказать о самом раннем памятнике (прото-)словенского языка — Фрейзингенских фрагментах X в.¹ Они отражают попытку баварских миссионеров или их славянских учеников передать славянскую речь латиницей, возможно, в порядке конкуренции с кирилло-мефодиевским глаголическим влиянием, идущим из Чехо-Моравии. Фрагменты включают исповедные формулы и отрывок проповеди. Из текстов следует, что религиозный лексикон хорутан включал как минимум некоторые из тех же славянских понятий, что были использованы в аналогичных значениях и в кирилло-мефодиевских переводах: «бог», «грех», «дух», «душа», «молить», «свят». В то же время, и это кажется общеславянской и весьма показательной чертой, для понятий «ангел» и «дьявол» ни св. Константин и его ученики, ни их немецкие противники не нашли соответствий в славянском языке. В Славянской Библии и глаголическо-кириллической церковной традиции, как известно, эти наименования не переводятся. Создатели же Фрейзингенских фрагментов или их протографа перевели *diabolus* как «злодей», а для ангелов создали удержавшийся в словенском языке описательный неологизм «крылатцы».

К XIII–XIV вв. относятся несколько наиболее ранних свидетельств о сохранявшемся до XV в. (а в пережиточных формах до XVII в.) обряде интронизации каринтийского герцога. То, что ритуал исходил из выборности правителя полноправными общинниками, был славяноязычным и обладал архаичной символикой, привело многих исследователей к справедливому выводу о его дофранкском происхождении (подробнее см.: Štih, 2010: 380–407). Древнейшим, вероятно, и наиболее детальным является описание ритуала в интерполяции, содержащейся в двух списках корпуса южнонемецкого обычного права «Швабское зеркало» (*Der Schwabenspiegel*, 1840: 133–134). Согласно этому источнику, свободные земледельцы (косезы) после принятия герцогом лена от императора имитировали выборы своего суверена. Центральной фигурой церемонии был их старейший представитель, занимавший место на «Камне народа», с которого допрашивал «претендента» о его намерениях и характере. После того как герцог обещал соблюдать обычаи страны и заботиться о ее жителях, проводилось голосование собравшихся. Старейшина уступал «выбранному» место, и взошедший на камень герцог провозглашался правителем. Ему символически вручались бык и конь, и косезы, обходя камень, приветствовали герцога песнопениями на славянском языке. Обычно считают, что имеются в виду церковные гимны, однако с учетом того, что о славянском богослужении в средневековой Словении ничего не известно и славянских текстов между X и XIV вв. здесь нет, вопрос скорее остается открытым. Хотя обряд завершился, естественно, торжественным входом нового герцога в кафедральный храм и его церковным благословением, все предшествующее слишком проникнуто духом как социальной, так и религиозно-обрядовой архаики. Скорее всего, перед нами сохранившийся вариант настолования князя в предгосударственном еще языческом или полужазыческом славянском обществе. Его религиозные компоненты апеллируют к идее особых отношений князя с землей, гарантирующих процветание народа.

СЕРБИЯ И ХОРВАТИЯ

Средневековые данные о язычестве Сербохорватского региона почти столь же скудны, притом что столь же очевидного объяснения, как в случае с Хорутанией,

у нас нет. Напротив, с учетом уже упоминавшихся архаических традиций, сохранявшихся и в Новое время, можно было бы ожидать появления, например, полемической литературы, наподобие распространенной в домонгольской Руси. Отсутствие подобных явлений, однако, становится понятным при анализе культурной ситуации в регионе.

И в Сербии, и в Хорватии местная оригинальная литература появилась очень поздно — в сербских землях в XII–XIII вв., в Хорватии фактически только к XV в. К этому времени, естественно, мировоззрение образованных людей всецело основывалось на христианстве, и полемизировать с язычеством в книжной форме особого смысла не имело. К тому же в жанровом отношении памятники раннего этапа, особенно в Хорватии, не очень разнообразны, а сами произведения немногочисленны. Древнерусская полемическая литература против язычества все-таки была продуктом хотя и сравнительно молодой, но очень богатой и разножанровой книжности. Наконец, в распоряжении сербского духовенства к моменту появления первых собственных произведений уже имелись довольно многочисленные переводы святоотеческих текстов с греческого, а также русские и болгарские сочинения. Возможно, для задач борьбы с суевериями и дохристианскими ритуалами этого было достаточно.

Кроме того, следует учитывать и другое обстоятельство. Элита региона действительно была весьма глубоко христианизирована, и для сербских авторов XIII–XV вв. языческого прошлого практически не существовало или почти не существовало. Отсчет истории страны велся ими от правления св. Симеона — Стефана Немани во второй половине XII в. Однако это не значило, что проблема религиозной борьбы сошла с повестки дня — просто основные противники у церкви теперь были иные. Общую проблему для православных в Сербии и для католиков в Хорватии представляла богомильская ересь, фактически восторжествовавшая в Боснии. В католических Хорватии и Далмации к этому добавлялись бесконечные споры глаголистов и латинистов о допустимости славянской литургии. Наконец, для пограничных областей, да и для внутренней ситуации в Сербии актуальным оставалось само противостояние православия и католицизма. Когда религиозная полемика появляется в литературных и правовых памятниках региона, то ее предметом является критика ересей или того, что принималось за таковые. Проблема оценки простонародных верований, мало затрагивавших среду аристократии, духовенства и грамотных горожан, закономерно отходила на второй план.

К сербской литературе относится единственный письменный источник, непосредственно отражающий средневековые мифологические представления региона. Это короткая глосса в «Законоправиле» св. Савы (Саввы) Сербского, сына Стефана Немани и основателя автокефальной Сербской церкви. «Законоправило» (ок. 1219–1220 гг.) представляет собой перевод корпуса греческого канонического права с краткими комментариями переводчика. Среди них и глосса к слову «облакопрогонники» (эта калька с греческого, впервые отмеченная именно в Кормчей, часто по недоразумению принимается за исконно славянский термин): «селянами называемые волкодлаки, так что когда помрачатся месяц или солнце, говорят: “Волкодлаки съели месяц или солнце”. Все это басни и ложь» (Законоправило, 2019: 417)². Известие давно сопоставлено с менее информативным свидетельством русского летописца об аналогичном суеверии.

В «Книге статутот Рагузы» 1272 г. содержится нейтрально-благожелательное описание народного ритуала, явно имеющего дохристианское происхождение: «В канун Рождества Господнего, вечером, судовладельцы и моряки из Рагузы пришли в замок господина комита и принесли с собой древесный пень, который затем с весельем бросили в огонь, а господин комит, чтобы почтить их приход, выдал им на календы два иперпира собственных денег, а также выпить» (Sources ... , 2021: 210). Это не что иное, как хорошо известный по сербохорватским этнографическим материалам Нового времени обряд сожжения «рождественского полена» (бадняк), воплощающего старость и прежний годовой цикл в отождествленном с Рождеством праздновании зимнего солнцеворота.

Гораздо лучше, чем мифология или обрядность, сохранена в средневековых письменных источниках дохристианская историческая традиция региона. Древнейшая ее фиксация принадлежит византийскому императору Константину Багрянородному. В его трактате «Об управлении Империей» (середина X в.) содержатся исторические очерки о происхождении хорватов (Константин Багрянородный, 1991: 130–131, 134–137) и сербов (там же: 142–143), в которых представления, почерпнутые из устной традиции, в том числе народные этимологии и герои-эпонимы, явно преобладают над документальной информацией. Вместе с тем традиция столь же явно подвергнута рационализирующей и политизированной обработке, не оставившей места для чисто мифологических элементов, если они и были. По хорватскому преданию, сохраненному в двух версиях, заметна конкуренция в хорватской традиции X в. «племенной» версии этногонического мифа, с действующими на равных героями-родоначальниками, и версии «княжеской», настаивающей на единовластии с древнейших времен. И сербская, и хорватские этногонические легенды представляют собой достаточно характерную для фольклора картину «обретения земли», становящейся законным достоянием предков по праву сильного.

Более близкая к собственно славянским первоисточникам, но и более поздняя версия сохранена созданной в середине или второй половине XII в. и сохранившейся в латинском переложении «Летописью попа Дуклянина» (Алексеев, 2015). Этот сложный по своему происхождению памятник описывает легендарную, насыщенную многочисленными эпическими тропами историю региона, представленного как изначально единое «Королевство славян». Начинается она с языческих времен, и «обретение земли» изложено здесь гораздо подробнее, чем у греческого автора, даже с сохранением героико-завоевательного пафоса. В целом «Летопись» представляет собой ценный источник для изучения механизмов и мотивов славянской историко-эпической традиции Средневековья. Однако и здесь не оставлено места для собственно мифологической составляющей, восходящей к языческому времени. Это сближает «Летопись» с древнерусским летописанием, так же предельно рационализировавшим дохристианские по происхождению предания и мифы.

Тем не менее одна характерная черта исторического мировоззрения дохристианской эпохи в «Летописи» представлена рельефно и более того, в значительной части воспроизводится в позднейших памятниках средневековой сербской историографии. Это представление о циклическом развитии истории, с периодическим «обновлением» прошлого благополучного состояния. Такое обновление производит выдающийся правитель, наделяемый чертами культурного героя. На более низком уровне в качестве обновителя выступает каждый правитель, долг которо-

го — воскресить добродетели предков. Однако как правление каждого короля заканчивается его смертью, так и периоды процветания завершаются катастрофическим упадком, за которым должно последовать новое возрождение-обновление. Притом что сложная история сербской средневековой государственности давала достаточно оснований для сохранения таких представлений, нельзя не заметить, что корни их гораздо глубже. Представления о сверхъестественной природе власти вождей, трансформируясь в христианскую эпоху, побуждали позднее представителей династии Неманичей ревновать о собственном благочестии не менее, чем о политических успехах. В конечном счете это привело к уникальному в христианском мире примеру канонизации почти всего правящего рода, «святой лозы» сербской церковной традиции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, информацию о дохристианских религиозных верованиях славян Западнобалканского региона трудно назвать даже ограниченной. Она, как и отмечалось в начале статьи, крайне скудна. Но в то же время не следует считать ее незначимой для науки. Прежде всего, некоторые из приведенных сведений выводят исследователей на общеславянский уровень обобщений. Фрейзингенские фрагменты демонстрируют общность базовых религиозных понятий для славян разных этноязыковых групп. Глосса из «Законоправила» существенно проясняет глухое упоминание соответствующего суеверия у русского летописца и позволяет сопоставить его с другими индоевропейскими мифами о демонах затмения.

Далее, именно недостаток свидетельств побуждает исследователей обращаться к иным источникам, прежде всего фольклорной традиции Нового времени. На примере «рождественского» эпизода из «Книги статутах Рагузы» видна устойчивость некоторых народных традиций, сохранявшихся со Средневековья. В фольклоре сербов, хорватов и словенцев отмечены и некоторые следы высшей мифологии славян. Наряду с так называемыми мифологическими эпическими песнями, в которых действуют как духи низшей мифологии, так и, например, воплощенное Солнце, в регионе записывались и прозаические тексты, включающие древние теонимы. В сказках и легендах сербов фигурируют «цари» Дабог и Троян, в словенской сказке — колдунья по имени Мокошка. Все три случая, стоит отметить, демонстрируют сходство древних пантеонов региона с восточнославянским, а не с известными западнославянскими.

Главное же, что добавляют разобранные свидетельства к нашим знаниям, относится к подтексту славянской историко-мифологической традиции и древних представлений о взаимодействии правителя со «страной». Представления о природе княжеской власти рельефнее всего отражены именно здесь. Это создает основу для сопоставительного анализа и лучшего понимания политогенеза и его религиозной стороны в других славянских странах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Новейшее онлайн-издание, подготовленное Институтом словенской литературы и литературоведения Словенской академии наук и искусств. URL: <http://nl.ijs.si/e-zrc/bs/index-en.html>.

² Отсутствие этого ценного свидетельства в претендующем на полноту и не имеющем на данный момент аналогов своде источников под редакцией Х. А. Альвареса-Педросы немно-

го загадочно. Существование таких данных XIII в. упомянуто в комментарии к русскому летописному сообщению со ссылкой на научную литературу и без названия источника (Sources ... , 2021: 482). Но сам источник (в литературе, конечно, упоминаемый) по каким-то причинам составителями не назван и в южнославянский раздел свода не включен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев, С. В. (2015) Летопись попа Дуклянина: перевод и комментарий. СПб. : Петербургское востоковедение. 288 с.

Константин Багрянородный (1991) Об управлении Империей. М. : Наука. 496 с.

Законоправило светог Саве (2019) Добрунска Ријека. XXV + 419 с.

Der Schwabenspiegel, oder Schwäbishes Land- und Lehenrecht-buch, nach einer Recension vom Jahr 1287 mit späteren Zuzätzen (1840) / hrsg. von F. L. A. Freiherrn von Lassberg. Tübingen : Ludwig Friedrich Fues. XC + 279 s.

Sources of Slavic Pre-Christian Religion (2021) / ed. by J. A. Alvarez-Pedrosa. Leiden ; Boston : Brill. 548 p.

Štih, P. (2010) The Middle Ages between the Eastern Alps and the Northern Adriatic: Select Papers on Slovene Historiography and Mediaeval History. Leiden ; Boston : Brill, 2010. 463 p.

Дата поступления: 07.03.2024 г.

PRIMARY SOURCES ON THE PAGAN RELIGION OF THE SLAVS OF THE WESTERN BALKAN REGION

S. V. ALEKSEYEV

NATIONAL RESEARCH NUCLEAR UNIVERSITY "MEPhI"

The article is devoted to a review and analysis of primary sources referring to the pre-Christian religious beliefs of the Slavs of the Western Balkans (Slovenes, Serbs and Croats). These sources are extremely few and generally uninformative. At the same time, some of them periodically find themselves outside the scope of attention of specialists and are not even included in consolidated corpora of source material. The reasons for the fragmentation of information about the pre-Christian religion of the region are analyzed. Among these reasons, presented differently in different medieval states, the following are highlighted: early Christianization, later development of local literature, the absence of signs of "dual faith" in the educated elite of society, the more significant relevance of polemics against heresies. From the sources concerning the Horutans, the ancestors of the Slovenes, the following are presented: Freisingen fragments, one of the early monuments of Common Slavic religious terminology used in translations of Christian texts; the Schwabenspiegel, describing the rite of enthronement of the Carinthian Duke, which is very archaic in content. From sources on the Serbian-Croatian region, the following are engaged: the Zakonopravilo of St. Savva with a gloss about the belief in volkodlaks (werewolves) and the Book of Statutes of Ragusa with the ancient description of the folk custom of burning the "Christmas log". In addition, the oldest reflections of the oral historical-epic tradition are noted: in the treatise of Constantine Porphyrogenitus "De Administrando Imperii" and in the "Chronicle of the Priest of Duklja". In conclusion, attention is drawn to the importance of Western Balkan sources for understanding the subtext of the historical legends of the Slavs and the most ancient ideas about princely power.

Keywords: source studies; Slavic paganism; history of the Middle Ages; history of the southern Slavs; medieval Serbia; medieval Croatia; Carinthia

REFERENCES

Alekseev, S. V. (2015) *Letopis' popa Dukljanina: perevod i komentarij*. St-Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie. 288 pp. (In Russ.).

Konstantin Bagrjanorodnyj (1991) *Ob upravlenii Imperiej*. Moscow, Nauka. 496 p. (In Russ.).

Zakonopravilo svetog Save (2019). Dobrunska Rijeka. XXV + 419 p. (In Serb.).

Der Schwabenspiegel, oder Schwäbisches Land- und Lehenrecht-buch, nach einer Recension vom Jahr 1287 mit späteren Zuzätzen (1840) / hrsg. von F. L. A. Freiherrn von Lassberg. Tübingen, Ludwig Friedrich Fues. XC + 279 ss. (In Germ.).

Sources of Slavic Pre-Christian Religion (2021) / ed. by J. A. Alvarez-Pedrosa. Leiden ; Boston, Brill. 548 pp.

Štih, P. (2010) *The Middle Ages between the Eastern Alps and the Northern Adriatic: Select Papers on Slovene Historiography and Mediaeval History*. Leiden ; Boston, Brill. 463 pp.

Submission date: 07.03.2024.

Алексеев Сергей Викторович — доктор исторических наук, профессор, председатель Историко-просветительского общества «Радетель», профессор кафедры истории Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ». Адрес: 115409, Российская Федерация, г. Москва, Каширское шоссе, 31. Тел.: +7 (495) 788-56-99. Эл. адрес: ipo1972@mail.ru

Alekseyev Sergey Viktorovich, Doctor of History, Professor, Chairman, Historical and Educational Society "Radetel", Professor, Department of History, National Research Nuclear University "MEPhI". Postal address: 31, Kashirskoye Highway, Moscow, Russian Federation, 115409. Tel.: +7 (495) 788-56-99. E-mail: ipo1972@mail.ru